

УДК 94(470)«1992–1999»:908(Кем.)

И.С. Соловенко

ОСОБЕННОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ЗНАЧЕНИЕ И УРОКИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ КУЗБАССА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1992–1999 гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009а/Т.

Рассматриваются особенности, результаты, значение и уроки протестного движения шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку. Выделяются положительные и отрицательные последствия их борьбы как на уровне региона, так и страны в целом. Проводится анализ результатов акций протеста горняков края в годы «шоковой терапии» и эпохи «перестройки».

Ключевые слова: переход к рынку; Кузбасс; шахтёры; протесты; результаты.

Такого сложного социально-экономического положения, в котором оказались шахтёры нашей страны, как в 1990-е гг., никогда не было. Катастрофический спад объёмов угледобычи и резкое снижение жизненного уровня населения шахтёрских городов и посёлков стали объективной основой борьбы горняков за выживание в новых рыночных условиях. Кузбасс как ведущий угледобывающий регион страны в наибольшей степени испытал негативные последствия потери угольной промышленностью своего места и роли в экономике страны, что привело к высокой динамике протестной активности трудящихся отрасли. В течение рассматриваемого времени шахтёры прошли путь от разрозненных и малозаметных форм борьбы к широкомасштабным акциям протеста, к которым активно привлекались представители других социально-профессиональных групп региона. Только в конце 1998–1999 гг. в угольной промышленности Кузбасса стали очевидны стабилизация и спад протестной активности горняков. Таким образом, протестное движение шахтёров ведущего угледобывающего региона страны в период широкомасштабного перехода к рыночным отношениям завершилось. Важно выделить и проанализировать особенности и результаты довольно длительного и многообразного по формам и методам борьбы этапа шахтёрского движения, что позволит определить его историческое значение и уроки.

Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку оставило видный, хотя и противоречивый, след во всех сферах жизни российского общества, внесло свой вклад в эволюцию трансформационных процессов. Оно не было столь революционным, каким являлось в 1989–1991 гг., но при этом оказалось более продолжительным и насыщенным борьбой. Итогами забастовочного движения горняков Кузбасса в конце советской эпохи были развал Советского Союза, спад производственных показателей в народном хозяйстве и угольной промышленности, снижение жизненного уровня населения и т.д. Протестное движение кузбасских шахтёров в конце 1990-х гг. завершалось на волне укрепления государственности, роста добычи

угля и всей российской экономики в целом, повышения жизненного уровня населения и т.д. Таким образом, во время перехода к рынку оно являлось более прогрессивным, чем в годы «перестройки». Главная причина позитивных итогов борьбы рабочих угольной отрасли не только Кузбасса, но и всей страны в 1990-е гг. заключалась в том, что они отставали, прежде всего, социально-трудовые права и показывали политическую самостоятельность.

Протестная активность шахтёров Кузбасса особенно не выделялась на фоне рабочего движения других угледобывающих регионов страны, хотя и имела свои особенности. Важнейшая из них – территориальная неравномерность развития протестного движения кузбасских горняков. Большое количество шахт и разрезов, сосредоточенных во многих населённых пунктах огромного угольного региона, отличались неравномерностью социально-экономических проблем, разной степенью влияния на них профсоюзных организаций и политических партий. Поэтому существовали центры шахтёрской борьбы (Анжеро-Судженск, Берёзовский, Прокопьевск, Киселёвск, Ленинск-Кузнецкий) и «периферия» (Кемерово, Новокузнецк, Белово и др.).

В рассматриваемое время меняются место и роль шахтёров в протестном движении трудящихся. В 1990-е гг. они ещё сохраняли своё лидерство в протестном движении страны. Их активная политическая позиция способствовала расширению протестных настроений в обществе. Новые формы и методы борьбы угледобытчиков распространялись среди других социально-профессиональных групп. Многие акции протеста рабочих и представителей бюджетных организаций в Кузбассе в рассматриваемое время проводились совместно с горняками. Вместе они вырабатывали общие требования, определяли взаимовыгодную стратегию и тактику борьбы, заставляли власть обратить внимание на самые болевые точки российского общества.

Высокий накал шахтёрской борьбы в Кузбассе, особенно в середине 1990-х гг., стал следствием следующих причин. Во-первых, рабочие угледобывающих предприятий края пытались сохранить значительный

уровень влияния на общественно-политические и экономические процессы, который они имели в конце 1980-х гг. Во-вторых, широкую поддержку протестным акциям горняков Кузнецкого края оказывали такие важные общественно-политические силы, как известный в крае оппозиционный деятель – А.Г. Тулеев, а также популярная в то время Коммунистическая партия Российской Федерации. В-третьих, участие шахтёрских профсоюзов в разрешении социально-трудовых конфликтов являлось более пассивным в отличие от других угледобывающих регионов страны. Данное обстоятельство прибавляло стихийности и непредсказуемости в борьбе угледобытчиков Кузбасса.

В то же время шахтёры постепенно теряли своё лидерство в протестном движении трудящихся края. Жёсткие рыночные условия быстро разрушили не только шахтёрскую солидарность, но и негативно сказались на реальных способах их поддержки со стороны других категорий трудящихся. Поэтому в отличие от забастовок 1989–1991 гг., когда шахтёры были выразителями требований всех рабочих Кузбасса, в рассматриваемый период они уже в большей мере отстаивали только свои отраслевые и региональные интересы. Борьба приобрела разрозненный, стихийный и циклический характер. Кузбасские шахтёры не имели общепризнанных лидеров, чётких требований и программы действий на уровне региона. Определённый успех горняков во многом стал следствием моральной поддержки их акций протеста со стороны других социально-профессиональных групп, но реальных фактов проведения совместных акций было мало. Системный кризис в большинстве отраслей экономики и социальной сфере страны определил изменение стратегии протестного движения шахтёров Кузбасса. Постепенно от требований повышения заработной платы и её своевременной выплаты борьба рабочих свелась к идее сохранения в крае конкурентоспособной угольной промышленности. Только таким образом, по мнению самих угледобытчиков, можно было добиться высокой заработной платы и её своевременной выплаты.

Особенности развития протестного движения шахтёров Кузбасса в 1990-е гг. во многом определили его итоги, которые оставили заметный, хотя и противоречивый, след как на региональном, так и на всероссийском уровне. Акции протеста шахтёров начались и закончились требованиями местного и регионального характера. Даже в моменты наивысшего подъёма борьбы, когда проводились всероссийские акции протеста, кузбасские угледобытчики в большей мере отстаивали собственные (местные и региональные) интересы, а не отраслевые. Поэтому результаты их борьбы, как положительные, так и отрицательные, в первую очередь стали заметны на региональном уровне.

Наибольшее значение для шахтёров Кузбасса имели социально-экономические результаты их борьбы, которые выразились в реализации их требований: выполнении тарифного соглашения, увольнение скомпромети-

ровавших себя директоров предприятий, нормализация системы взаиморасчётов, упорядочение налогообложения, понижение тарифов на железнодорожные перевозки, индексация заработной платы, проведение аудиторской проверки хозяйственной деятельности шахт, повышение тарифов оплаты труда, увеличение капиталовложений в угледобывающую промышленность, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите населения и т.д. Дополнительные финансовые средства были выделены угольной отрасли края во время масштабных акций протеста 1998 г. Но главное – стали сокращаться задержки выплаты заработной платы шахтёрам. В 1999 г. появились реальные признаки перестройки производства угледобывающих предприятий Кузбасса. Положительная динамика технико-экономических показателей, прежде всего устойчивый рост производительности труда рабочих по добыче угля в этом году [1. Л. 105], позволила вывести отрасль из кризиса. Причём добыча угля увеличилась во всех шахтёрских городах и посёлках [2], что говорит о системных улучшениях в реформировании топливной промышленности края. Показательным фактом перестройки производства угледобывающих предприятий Кузбасса стало и то, что 10 шахт и все 28 разрезов не догировались, работали с прибылью [3].

Новые рыночные условия хозяйствования изменили поведение шахтёров, оно стало более прагматичным. В ходе всероссийских акций протеста угледобытчики Кузнецкого края стремились расширить своё влияние на внутреннем и внешнем рынках порой даже в ущерб шахтёрской солидарности [4]. Такие действия в целом были вынужденным шагом в ответ на подобное поведение коллег из других, в том числе соседних, угледобывающих районов, которые отправляли вагоны с углём в бастующий Кузбасс [5]. Со второй половины 1998 г. кузбасские горняки стали меньше бастовать, что способствовало увеличению добычи угля и вытеснению отечественных и зарубежных конкурентов с внутреннего рынка угольной продукции.

Весьма быстро повысить эффективность угледобывающей промышленности Кузбасса удалось благодаря новым подходам в экономической политике федерального центра и региональной власти. Прежде всего было выполнено главное требование губернатора А.Г. Тулеева и его команды – установление контроля угледобычи в Кузбассе региональной властью, которое произошло в результате передачи ей полномочий со стороны Правительства РФ в январе 1999 г. [6. С. 11].

Власть стала более ответственно относиться и к решению социальных проблем. Значительную роль в этом сыграл успешный диалог между кабинетом министров, региональной властью и профсоюзными организациями края. В дальнейшем шахтёрские профсоюзы повысили свою ответственность за переговоры с работодателями, вплотную занялись заключением трехсторонних соглашений и контролем над распределением государственного финансирования. В течение 1999 г.

Правительство РФ полностью выплатило уволенным горнякам пособия и регрессные, предприняло меры по снижению безработицы среди шахтёров [7] и т.д. Всё это способствовало снижению социальной напряжённости и устойчивому экономическому росту регионального хозяйства.

Между тем затянувшаяся борьба привела к ощутимым экономическим потерям в базовой отрасли хозяйства Кузбасса. Шахты и разрезы, чьи рабочие участвовали в акциях протеста, сталкивались с материальным ущербом, а также утрачивали свои конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках. От радикальных форм протеста страдали угледобывающие предприятия, которые реально никогда не бастовали. Например, в 1998 г. самая мощная шахта в России – «Распадская», оказалась на грани катастрофы, потому что пикетчики перерезали все пути вывоза угля. В дополнение к другим трудностям на «Распадскую» в то время обрушились штрафы и пени [8]. Серьёзные потери от акций шахтёров, особенно «рельсовых войн», несли и те, чьё производство было напрямую связано с продукцией угольной промышленности, – металлурги, коксохимии, энергетики, химии. В других отраслях экономики финансово-экономический удар от блокад железных дорог имел меньший импульс, но для некоторых и он оказался губительным.

Положительные изменения в народном хозяйстве края были бы невозможны без политических изменений, на которых так долго настаивали шахтёры. В июле 1997 г. произошла смена региональной власти. Новая администрация Кемеровской области во главе с А.Г. Тулеевым стала проводить более открытую и эффективную политику. В шахтёрских городах края усилился контроль распределения финансов (например, появился «прозрачный бюджет»), повысилась борьба с коррупцией, возникли новые виды социальной поддержки населения и т.д. Губернатор области стал гарантом выполнения правительственных обязательств перед шахтёрами в 1998 г.

Стремительному спаду протестной активности в 1999 г. способствовали не только успехи политики реформ, но и серьёзные разочарования шахтёров Кузбасса в результатах борьбы. Работники угольной промышленности не смогли сохранить лидерство в рабочем движении, что отразилось на снижении их материального и социального положения в обществе в течение рассматриваемого периода. Акции протеста горняков изменили политический ландшафт региона. Несогласованные действия центрального и областного руководства КПРФ в ходе широкомасштабных акций протеста горняков в 1997–1998 гг., а также обозначившиеся успехи Правительства РФ и администрации Кемеровской области в экономике и социальной сфере шахтёрских городов предопределили потерю авторитета левых сил и, в результате, выход региона из зоны «красного пояса».

Последствия шахтёрской борьбы получили отражение и на федеральном уровне, где они оказались не

менее противоречивы. Важно отметить, что длительная и в целом разрушительная борьба горняков не привела к коренным изменениям политической и экономической систем российского общества. Рабочие угольной промышленности не решили многие задачи, которые они ставили в ходе борьбы, например отставка президента Б.Н. Ельцина, национализация угольной промышленности и др. Слабость протестного движения шахтёров, в том числе и Кузнецкого края, во время перехода к рыночным отношениям была обусловлена следующими причинами и факторами:

1. Разобщённость выступлений шахтёров и всех, кто их поддерживал. Они не создали единого фронта в отстаивании своих социально-экономических и политических лозунгов. Отдельные акции протеста так и не вылились в мощную, действительно общероссийскую стачку с единым руководством, планом действий, требованиями и т.д.

2. Слабая подготовка и организация протестных акций. Очевидна определённая хаотичность в выборе требований, форм и методов борьбы, политических союзников и т.д.

3. Отсутствие реального содействия угледобытчикам со стороны противостоящих Кремлю политических сил. Оппозиция не взяла на себя ответственность за организацию и доведение протеста до логического конца. По мнению С.В. Позднякова, организовать и направить массовый протест в то время могли коммунисты и профсоюзы. Между тем верно замечает российский политолог: ни те ни другие не в состоянии были это сделать по большей части из-за нежелания лидеров рисковать собственным благополучием ради благополучия простых людей [9. С. 139].

4. Противоречия политического и, в большей мере, экономического характера между самими шахтёрами. Условия рынка отрицательно сказались на политической солидарности трудящихся даже одной отрасли, в том числе и на уровне Кузбасса.

5. Противоречивость лозунгов горняков. Требуя отставки Президента РФ, они при этом «просили» у Б.Н. Ельцина финансово-экономическую помощь, тем самым ставя под общее сомнение возможность достижения главного намерения.

6. Периферийный характер борьбы угледобытчиков. Центральные районы страны, тем более столица, не чувствовали особого дискомфорта от акций протеста, даже таких радикальных, как «рельсовые войны».

7. Отраслевая ограниченность шахтёрских выступлений. Рабочие угольной отрасли реально не поддерживали акции протеста других социально-профессиональных групп как на уровне региона, так и страны, что вызывало адекватную реакцию со стороны учителей, медиков, машиностроителей и т.д.

Отказ шахтёров Кузбасса от требований отставки президента Б.Н. Ельцина и национализации угольной промышленности указывает и на их морально-психологическое поражение. Затянувшееся противо-

стояние власти и рабочих привело к социально-профессиональной деконструкции шахтёрского сообщества. Многие квалифицированные работники покинули шахты и разрезы, перешли в другие сферы хозяйственной деятельности. На смену им пришли далеко не всегда достойные, так как система подготовки кадров горняков переживала не лучшие времена. Противоречивый характер рыночных преобразований изменил позиции рабочих по многим вопросам перспектив угольной отрасли. В начале либеральных реформ, например, большинство шахтёров не поддерживали идею приватизации угледобывающих предприятий. В конце рассматриваемого периода они уже смирились с мыслью о необходимости перехода шахт и разрезов в частные руки, надеясь таким образом иметь стабильную зарплату.

Протестное движение шахтёров противоречиво отразилось и на общественном сознании. С одной стороны, в 1997–1998 гг. обозначились явные признаки гражданской войны. С другой стороны, изменились протестные настроения шахтёров и других категорий трудящихся. Относительные успехи борьбы оказали деморализующие последствия на их политическое поведение. Прежде всего был нанесен удар по рабочей солидарности, которая была вполне очевидна в конце 1980-х гг. В дальнейшем борьбу они вели уже не столько за зарплату, сколько за возможность иметь работу. Горняки утратили роль авангарда рабочего класса. Борьба шахтёров Кузбасса за свои трудовые права в 1999 г. приняла устойчивую отрицательную динамику не только благодаря позитивным изменениям в социально-экономической жизни россиян, но и существенному разочарованию угледобытчиков в собственных протестных возможностях в новых рыночных условиях.

Акции протеста горняков Кузбасса негативно отражались на макроэкономических показателях хозяйственной системы всей России, её инвестиционной привлекательности для зарубежных компаний [10]. Забастовки в угольной промышленности стали одним из основных факторов, обусловивших спад промышленного производства в стране в мае – июне 1998 г. [11. Л. 159]. Государство, в свою очередь, восполняло многомиллионные потери за счёт урезания расходов на всё тех же шахтёров. «Рельсовые войны» и другие радикальные акции протеста горняков в 1997–1998 гг. привели к непредусмотренному увеличению дотаций на покрытие убытков в размере 1300 млн руб., что не позволило выполнить намеченную Правительством РФ программу закрытия убыточных шахт [12]. Таким образом, был сорван план реструктуризации угольной промышленности России. Осложнились отношения Кремля с международными финансово-экономическими организациями.

Экономические потери от акций протеста несла вся страна, но в первую очередь регионы, соседствовавшие с Кузбассом. Так, например, в мае 1998 г. в результате блокад железных дорог Красноярский алюминиевый

завод оказался на грани закрытия, общий экономический ущерб Алтайскому краю превысил 10 млн руб. [13. С. 55] и т.д. Огромный ущерб от «рельсовых войн» понесла Западносибирская железная дорога. Только в мае прямые потери железнодорожников составили более 355 млн руб., косвенные – около 800 млн руб. За всю свою историю важные транспортные магистрали ни разу не прекращали работу на такой длительный срок [14]. «Рельсовые войны» стали сильным ударом по престижу железнодорожного транспорта России, поставив под сомнение его участие в ряде международных проектов, привлечение дополнительных инвестиций и т.д. Сразу же после прекращения блокад железных дорог в 1998 г. Министерство путей сообщения старалось доступными средствами компенсировать свои потери, «проучить» виновников «рельсовых войн». Среди мер, предпринятых железнодорожниками по выходу из кризиса, стало ужесточение требований по возврату долгов и оплате текущих грузов к тем предприятиям, чьи трудящиеся перекрывали рельсы [15. Л. 196].

Вместе с тем акции протеста шахтёров Кузбасса стали составной частью борьбы всех трудящихся России за свои социально-трудовые права в условиях перехода к рыночным отношениям. Борьба «снизу» способствовала локализации социально-экономического коллапса, охватившего российское государство в годы «шоковой терапии». Она показала недостаточную продуманность и излишнюю форсированность рыночных реформ. Органы федеральной власти были вынуждены активнее участвовать в решении проблем угольщиков, вмешиваться в регулирование макроэкономических процессов.

Политическая элита почувствовала веские претензии населения, стала менять свои позиции по ключевым вопросам внутренней политики. После «рельсовых войн» 1998 г. властные структуры ради достижения общественной стабильности были согласны даже на подмену закона нормами морали. Примером является поведение судебной системы в отношении лидеров участников акций протеста на рельсах. Все из них были оправданы судами [16], несмотря на то что кемеровская прокуратура неоднократно и вполне убедительно подчеркивала противозаконный характер действий пикетчиков [17].

Значительным изменениям подверглась политическая сфера российского общества. Сам факт появления «розового» правительства в сентябре 1998 г. указывает на новую ступень в развитии политической системы России. «Существенную модификацию» политического процесса в конце 1998–1999 гг. отмечают и известные российские политологи [18. С. 217]. Президент Б.Н. Ельцин был вынужден считаться с массовым недовольством трудящихся, идти на политические уступки оппозиции, формулировать новую государственную стратегию. Протестное движение обозначило проблему, которую необходимо было оперативно ре-

шать всем участникам социально-политического процесса в России – создание условий для более открытого и эффективного диалога власти и общества. Напряжённость в обществе сохранялась ещё долго. Для власти инерция противостояния делала приоритетной социальную сферу российского общества.

Поиск Кремлем политического компромисса был обусловлен и сохранением сложной общественно-политической обстановки. На волне массовых акций протеста особенно активизировались партии и движения, действующие от имени рабочего класса. Многие леворадикальные организации открыто обвиняли КПРФ в «предательском» поведении и соглашательстве во время «рельсовых войн». На рубеже 1998–1999 гг. предпринимались попытки создания новых всероссийских и региональных общественно-политических движений, ориентирующихся на отстаивание интересов трудового народа. При этом цели и средства их достижения предлагались не менее радикальные, чем во время «рельсовых войн» 1998 г. [19]. Поэтому одним из главных вопросов внутренней политики Кремля стало незамедлительное решение социально-экономических проблем населения, прежде всего рабочих.

Рост общественно-политической напряжённости показал слабую социальную ответственность власти и бизнеса, инициировал создание механизма разрешения кризисных ситуаций. В конце 1990-х гг., благодаря экономическому подъему и укреплению вертикали власти, отдельные вопросы создания антикризисного механизма были решены. Например, ужесточились меры ответственности руководителей предприятий перед трудящимися и фискальными органами. Важным результатом протестной борьбы шахтёров стало изменение нормативно-правовой базы трудового законодательства. Произошла эволюция ответственности за задержку заработной платы: на смену административной пришла уголовная [20. С. 68], что существенно повысило эффективность механизма разрешения социально-трудовых споров и конфликтов.

Рост недовольства шахтёров заставил Правительство РФ ускорить реформу угольной промышленности, сориентировать её на решение социально значимых вопросов. Она проводилась комплексно, с учётом региональных особенностей развития. Реформа шахтёрской отрасли имела два основных направления. Первое заключалось в более активном вмешательстве государства в процесс угледобычи, что, например, выразилось в появлении Горного кодекса, изменении системы бюджетного финансирования отрасли, реформировании налоговой системы, закреплении в федеральной и региональной собственности стратегически важных угледобывающих компаний, создании «Угольного комитета» при Министерстве топлива и энергетики РФ, новой редакции «Основных направлений реструктуризации угольной промышленности России» и др. Таким образом, повышалась социально-экономическая ответ-

ственность государства перед трудящимися угольной промышленности.

Второе направление «новой» экономической политики Правительства РФ состояло в интенсификации либеральных преобразований. Оно предусматривало энергичное устранение преград на пути рыночных преобразований в угледобывающей отрасли (приватизация шахт, либерализация законодательства, стимулирование роста эффективности производства и др.). Первоочередное внимание отводилось курсу на приватизацию угольных компаний [21. С. 112] как важнейшему условию обеспечения их рентабельности. Протестное движение шахтёров усилило динамику рыночных преобразований не только в угольной промышленности, но и других отраслях экономики Российской Федерации.

Укрепление макроэкономической стабильности, начиная с конца 1998 г., позволило постепенно погасить задолженность потребителей перед шахтёрами, сократить задержку заработных плат, повысить инвестиционную привлекательность угольной промышленности, стимулировать подъём в смежных отраслях народного хозяйства угледобывающих регионов и т.д. С октября 1998 г. имела положительная динамика поступления шахтёрам «живых» денег, сокращалась дебиторская задолженность угольных предприятий. Впервые за годы рыночных реформ угледобыча в Кузбассе и стране стала расти, существенно поднялась производительность труда в отрасли, снизились травматизм и число несчастных случаев на угольном производстве [10].

В целом, протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку способствовало сближению органов власти всех уровней и общества, укреплению механизма обратной связи. Усилилась роль общественных организаций, в первую очередь шахтёрских профсоюзов, в упрочении социально-экономической и политической стабильности в крае.

Некоторые уроки протестного движения шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку не потеряли своей актуальности и сегодня. Среди них выделяются следующие:

1. Необходимость широкого использования в хозяйственной деятельности исторического опыта, прежде всего отечественного. Ценный опыт новой экономической политики 1920-х гг. не был использован, несмотря на определённую схожесть с рыночными преобразованиями последнего десятилетия XX в.

2. Устранение отставания экономической теории от практики. Необходимо более активное распространение знаний о рыночных отношениях, предпринимательской деятельности, мировых экономических процессах и т.д.

3. Расширение политического и социально-экономического потенциала региональной власти. Предоставление региональной власти дополнительных политико-правовых возможностей в кризисные моменты.

4. Развитие открытого диалога между властью и обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1753.
2. 19 процентов – таков прирост производства промышленной продукции в Кузбассе с начала года // Наш город (Анжеро-Судженск). 1999. 23 ноя.
3. Худобин Е. Шахт меньше, а угля больше // Кузбасс. 1999. 17 сен.
4. Хмылко И. Ю.А. Спиридонов в Воркуте // Заполярье (Воркута). 1998. 9 июня.
5. Носырев Е. А.Я. Казаков: «Подорвать отрасль не дадим» // Городская газета (Ленинск-Кузнецкий). 1997. 28 янв.
6. *Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien* Petr Bizyukov / Inna Donova, Konstantin Burnyshev, Olga Vinokurova // *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*. Köln, 1999. № 36.
7. Архивный отдел администрации г. Ленинск-Кузнецкого. Ф. 217. Оп. 1. Д. 53.
8. Трифонов Е. Оседланный дракон // Новое время. 1999. 18 апр.
9. Поздняков С.В. Политический протест : дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
10. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls, свободный (дата обращения: 15.08.2012).
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2641.
12. Галиев А. Угольная среда // Эксперт. 1999. 15 фев.
13. Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году. Томск, 2009.
14. Блокада шахтерами железнодорожных магистралей нанесла значительный ущерб хозяйству ряда регионов // Сибирский курьер (Новосибирск). 1998. 6 июля.
15. Муниципальный архив муниципального образования «Юргинский городской округ». Ф. 7. Оп. 1. Д. 176.
16. Участники блокады прощены // Парламентская газета (Москва). 1999. 10 фев.
17. Морозова Е. Суд Кемеровской области оставил без удовлетворения заявления прокурора области о признании недействительным пункта в «Согласительном протоколе» об уголовном преследовании участников «рельсовой войны» // Сибирский курьер. 1998. 19 окт.
18. Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М., 2004.
19. Прянишникова Т. Съезд рабочих Сибири и Дальнего Востока // Наш город. 1999. 26 янв.
20. Анисимова Г.В. Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 гг. // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004.
21. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.

Solovenko Igor S. Yurga Institute of Technology of National Research Tomsk Polytechnic University (Yurga, Russian Federation). E-mail: igs-71@rambler.ru

FEATURES, RESULTS, THE VALUES AND LESSONS OF THE PROTEST MOVEMENT KUZBASS MINERS DURING THE TRANSITION TO THE MARKET (1992–1999).

Keywords: transition to the market; Kuzbass; miners; protests; findings.

Kuzbass miners protest movement during the transition to the market has left a prominent, albeit controversial, mark in all spheres of life of Russian society. It was more progressive than in the years of «perestroika». The main reason for the positive outcome of the workers struggle of the coal industry in the 1990s. was that they fought primarily labor rights and political independence shown. Kuzbass miners' protest activity had its own peculiarities. The most important of them – the uneven development of territorial protest movement Kuzbass miners. A large number of mines and quarries, concentrated in many localities huge coal region, is uneven socio-economic problems, varying degrees of influence on them of trade unions and political parties. The highest value for the Kuzbass miners had socio-economic results of their struggle, primarily reducing delays payment of wages. In 1999, there are real signs of restructuring of production coal mining companies increased their profitability. Meanwhile, the protracted struggle led to tangible economic losses in the core sectors of the economy. Consequences miner struggle were reflected at the federal level, where they were no less controversial. The long struggle of miners did not lead to fundamental changes of political and economic systems of the Russian society. The relative success of the struggle have demoralizing effects on their political behavior. Subsequently, they were fighting not so much for the salary, how much for the opportunity to have a job. However, protests Kuzbass miners have become an integral part of the struggle of the working people of Russia for their social and labor rights in the transition to a market economy. Federal agencies have been forced to become more involved in solving the problems of coal miners, to intervene in the regulation of macroeconomic processes. Strengthen the role of civil society organizations, especially the miners' unions in strengthening the socio-economic and political stability in the region. Some lessons Kuzbass miners protest movement during the transition to the market have not lost their relevance today: 1. Need for extensive use in the economic activity of historical experience, primarily domestic. 2. Eliminating the backlog of economic theory and practice. 3. Expansion of political and socio-economic potential of the regional authorities. 4. Developing an open dialogue between the authorities and society.

REFERENCES

1. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-1149. List 1. File 1753. (In Russian).
2. 19 protsentov – takov prirost proizvodstva promyshlennoy produktsii v Kuzbasse s nachala goda [19 per cent – that has been the growth of industrial production in Kuzbass since the starting of the year]. *Nash gorod (Anzhero-Sudzhensk)*, 1999, 23th November.
3. Khudobin E. Shakht men'she, a uglja bol'she [Fewer mines, but more coal]. *Kuzbass*, 1999, 17th September.
4. Khmylko I. Yu.A. Spiridonov v Vorkute [Yu.A. Spiridonov in Vorkuta]. *Zapolyar'e (Vorkuta)*, 1998, 9th June.
5. Nosyrev E. A.Ya. Kazakov: "Podorvat' otrasl' ne dadim" [A.Ya. Kasakov, "We will not let undermine the industry"]. *Gorodskaya gazeta (Leninsk-Kuznetskiy)*, 1997, 28th January.
6. Donova I., Burnyshev K., Vinokurova O. Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov. *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*, 1999, no. 36.
7. The Archive Department of the Leninsk-Kuznetskiy City Administration. Fund 217. List 1. File 53. (In Russian).
8. Trifonov E. Osedlanny drakon [The saddled dragon]. *Novoe vremya*, 1999, 18th April.
9. Pozdnyakov S.V. *Politicheskiy protest*: diss. kand. polit. nauk [Political protest. Polityology Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2002.

10. *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Social and economic indicators of the Russian Federation]. Available at: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 15th August 2012).
11. The State Archive of the Russian Federation [GARF]. Fund 10128. List 1. File 2641. (In Russian).
12. Galiev A. *Ugol'naya sreda* [Coal medium]. *Ekspert*, 1999, 5th February.
13. Solovenko I.S., Epifantsev K.V. *“Rel'sovaya voyna” v Yurge v 1998 godu* [The “railwar” in Yurga in 1998]. Tomsk, 2009.
14. Blokada shakhterami zheleznodorozhnykh magistralei nanesla znachitel'nyy uscherb khozyaystvu ryada regionov [The blockade of railways by miners causes considerable damage to a number of farming regions]. *Sibirskiy kur'er* (Novosibirsk), 1998, 6th July.
15. The Municipal Archive of the municipal unit “Yurga city district”. Fund 7. List 1. File 176. (In Russian).
16. Uchastniki blokady proshcheny [Participants of the blockade forgiven]. *Parlamentskaya gazeta* (Moscow), 1999, 10th February.
17. Morozova E. Sud Kemerovskoy oblasti ostavil bez udovletvoreniya zayavleniya prokurora oblasti o priznanii nedeystvitel'nym punkta v “Soglasitel'nom protokole” ob ugovnom ne presledovanii uchastnikov “rel'sovoy voyny” [The court of Kemerovo Region rejected the Prosecutor's application for annulment of the issue in the “Conciliation Protocol” about non-prosecution of the participants of the “Rail War”]. *Sibirskiy kur'er*, 1998, 19th October.
18. Smolin O.N. *Politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii* [Political process in modern Russia]. Moscow: Prospekt Publ., 2004. 326 p.
19. Pryanishnikova T. S"ezd rabochikh Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Congress of workers of Siberia and the Far East]. *Nash gorod*, 1999, 26th January.
20. Anisimova G.V. *Oplata truda i zabastovochnaya aktivnost' trudyashchikhsya v 1990–2000 gg.* [Payment and strike activity of employees in 1990–2000]. In: Churakov D.O. (ed.) *Rabochie v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennoe polozhenie* [Workers in Russia: historical experience and modern situation]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 303 p.
21. Kozhukhovskiy I.S. *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii*: diss. kand. ekon. nauk [Restructurization of coal industry in Russia. Economics Cand. Diss.]. Moscow, 2003.